***

Увеличь ли, уменьши масштабы –
Разум может быть лишь
роевым,
Где прокрустовым ложем – силлабы,
И отечеством – пепел и дым,

Где порядок – немецкий порядок! –
Вырастает то в гриб, то в хаос,
Где словарь омерзительно гадок
Размноженьем личинок и ос,

Перспективой фасетчатых точек,
И любовей внутри янтаря,
Навсегда ли расстанемся? – прочерк,
Языком дикарей говоря,

И, лишая последнего шага,
Словно корочкой хлеба маня,
Плачет тоника, точно дворняга,
Точно разуму мало огня.

***

Монотонность мышиной возни,
Где-то в норке, и, как ни дразни,
Не увидишь, и полнится слухом
Все пространство низин и высот,
И мгновения мёдом из сот,
И земля наблюдателю пухом,

Ибо так и прожил воздуся –
Точно Батюшков, стрелкам грозя,
Просыпая песок из ладони,
Вырубая роденовский блок,
Обращая к мышам монолог,
Словно сыр обещая вороне.

Пища разума? – трепет души? –
Впрочем, мыши лишь тем хороши,
Что их много, и неистребимы,
И не скажешь – я занят, прости, –
Это дерево можно трясти,
И смотреть, как проносятся мимо

То цветы, то плоды, то кора,
Отгорело, что было вчера,
Лишь возня повторяется снова, –
Даже если вся жизнь – суета,
И вершина искусства – пьета, –
Больше прочего хочется крова.

Из цикла Олово

Темный день - это тоже отдушина,
Не черно - просто лампа притушена,
Вот – улыбочка, вот – силуэт,
Не пора по-чеширски откланяться? –
Выпьет мертвой воды горький пьяница,
И умоется кровью поэт.
Вот закалка! – потянем за лезвие,
Нынче время чужое и трезвое,
А иных не бывает времён, –
Тут глоток, там – под крышей в проплешинах,
Жду хранившего олово лешего,
Понимаю, что был не влюблён,

А любил, только Лета исчерпана,
Отражается морось, как зеркало,
И живая крадётся вода,
Чем темнее, тем крепче срастается,

Ничего на свету не считается,
Только тень не оставит следа.

Нерон
Дым над Римом - с багровым подбоем, -
Вот землёй Капитолий укроем,
В катакомбы заложим проём,
Вдохновенье оставим фиглярам, –
Пусть по горло насытятся даром,
О котором так много поем –

Разрушенье – синоним прогресса,
Без него не получится пьеса,
И любовь или страсть – ни о чём, –
Тлеет пепел и в копоти арки,
От высоких идиллий – огарки, –
Нынче трагику участь – врачом

Поджигать, что привычно и мило,
Поскребёшь – то ли дерево сгнило,
То ли ветер принёс запашок,
И учитель был слишком рапсодом, –
С Новым веком, друзья, с Новым годом! –
Догорит – и возникнет стишок

Об изнанке трагедии – скуке,
И в проказе мерещатся руки,
И кроваво царит геморрой, –
Нам века повторять за Нероном,
И деревьям качаться по склонам,
Где багрец восставал над горой.

***
Чем хороша медовая ловушка? –
Ты молод, и тебе нужна подружка,
А если хочешь нежности – ты стар,
И путаешь влеченье и интрижку,
Любимую – и читанную книжку,
Актерские способности – и дар,

Самообман и к старости желанен,
И, если прежде думалось – ты ранен,
Внезапно понимаешь, что убит,
И мир сочился молоком и мёдом,
И каждое мгновенье было годом,
Как счастьем был пропитан нищий быт.

***

Вот женский силуэт на акварели, –
Не то что бы все краски побледнели,
Но замысел почти неуловим, –
Куда идёт, что на краю, у рамки? –
Закат среди развалин в старом замке? –
Пол зарева обнявший херувим? –

Химера, багровеющая жарко? -
Отбросившая темный отблеск арка? –
Мужчина, неподвижный и немой? –
Она идёт, все остальное – стерто,
Все прочее – товар второго сорта,
Мне видится – она идёт домой.

***

С раннего возраста горечь во рту, –
Помню её, не футбол и лапту,
Пение птиц и дерев красоту –
Желчь и привычную горечь.
Пижма, пустырник, полынь и хинин, –
Словно я с раннего детства ронин,
Даже в минуты, когда семьянин –
Перебивала вкус – горечь,
Вот и привык, полюбил, сохранил,
Что ни искал, как в саду – Гавриил,
Сколько извел кислоты и чернил, –
Счастлив, и чувствую горечь.
Так почему только горечь дана? –
Досыта, до живота, допьяна? –
Счастлив? – и снова не чувствую дна,
Что ни глотаю – всё горечь.

Всякая мера – шербет и халва,
Море злословий, пустая молва,
Голос небес, тишины похвала... –
Преображаются в горечь.
Всё превращается – круговорот,
Значит, и горечь моя от щедрот? –
Есть ли хоть где-нибудь наоборот?.. -
Горько?- приветствую горечь.

***

Не то что бы все тропки замело,
И смотришь на прохожих сквозь стекло, –
Перемело, и сам давно – прохожий,
И хорошо, что скошены следы,
Не отличить варягов от орды, –
Не саван, но заснеженное ложе,
И спят не выше снега, но – под ним,
И я не веком – севером храним,
Но как темно зимой внутри квартала,
И жизнь – иерихонскою трубой,
И мы уже не встретимся с тобой,
Как будто нынче память заметало.

***

Карусель, занесённая снегом,
Деревянная, с Вещим Олегом,
Что сбирается, но, замерев,
Остаётся сидеть на лошадке,
И снежинки летят в беспорядке,
И тускнеет звезда, отгорев.
-
И фигура, под стать деревянным,
То мерещится русским баяном,
То мерцает, навеки застыв... –
Как всегда – до паденья и сноса,
И лошадка, путём утконоса,
Ужасается от перспектив,

Что над ней, над Олегом, над снегом,
Над застывшим под снегом побегом,
Над холодным вниманием звёзд,
Над планетой, над вящим и вещим,
Так что мы то дрожим, то трепещем,
То рисуем над пропастью мост.

Но к чему, если есть карусели? –
Лишь присядешь – и мчатся недели,
И лошадка скрипит на ходу… –
Ни разбитой судьбы на осколки,
Ни желаний в чулане, на полке,
Ни полёта во сне на звезду.

***

Посмотри на подружку-ровесницу –
Помнишь девочку, венчик из кос? –
Кто придумал волшебную лестницу,
Чьи перила из смеха и слез? –
Из полёта ступеньки, из прелести,
Ожидания (только вдвоём!),
Из осенней нечаянной прелости,
Из того, что так быстро живём... –
Почему так смутны очертания,
И бежит за пролётом пролёт,
Помнишь девочку? – ждёт её Дания,
Помнишь женщину? – время не ждёт,
И идёшь по дорожкам с оградками –
Добрый день! – добрый вечер, пора, –
Скоро полночь с твоими повадками,
Словно лестница – это игра.